

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ

М. А. КОНАРОВСКИЙ

Афганский дневник. Год 2002-й*

Михаил Алексеевич Конаровский, канд. ист. наук,
вед. науч. сотр. Центра изучения Восточной Азии
и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол.
E-mail: makonarovsky@mail.ru

Аннотация. В конце 2001 г. Россия поддержала международную Антитеррористическую коалицию, направленную на подавление «Аль-Каиды» и свержение режима талибов в Афганистане. На основе решений международной Боннской конференции была сформирована Временная администрация страны. Тогда же в Кабуле после почти десятилетнего перерыва возобновило работу посольство России. Был назначен новый посол, прошедший утверждение в Комитетах по международным делам обеих палат Федерального собрания РФ. На встрече в Кремле он получил инструкции Президента В. В. Путина, поставившего неотложную задачу выстраивания и закрепления российско-афганских отношений на новом, постталибском, этапе истории этой страны. Помимо решения важных политических задач, весьма актуальными являлось налаживание повседневной хозяйственно-административной жизнедеятельности в условиях практически разрушенных талибами инфраструктуры Кабула и всей экономики страны, а также необходимость оперативного восстановления получившего значительные повреждения комплекса посольства России.

Ключевые слова: Афганистан, талибы, контртеррористическая операция, Кабул, экономическая помощь, Лоя Джирга, посольство, Дар-уль-Аман.

НЕОЖИДАННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

После распада СССР многие наши востоковеды-дипломаты, в том числе ориентированные на Афганистан, оказались невостребованными. Во всяком случае, первоначально. Такая ситуация, в значительной мере, вытекала из внешнеполитической триады первых лет постсоветской России в рамках т. н. доктрины Козырева. Высшим приоритетом в ней провозглашались отношения с Западом, потом следовали страны «ближнего зарубежья», далее — остальной мир, к которому, по такой логике, должен был относиться и Афганистан.

Казалось, что новая Россия и новая геополитика уже совсем или почти совсем не нуждаются в таком количестве экспертов-практиков, ориентированных на отношения с бывшим южным соседом. Тем более что афганская проблематика действительно на некоторое время перешла для внешней политики страны в разряд периферийных (хотя периодически и доставляла достаточно большие беспокойства). Многим хотелось верить, что теперь так будет всегда. Поэтому и целый ряд квалифицированных сотрудников МИД, которые наработали в Афганистане

**От редакции.* В 2019 г. афганская тема присутствует в заголовках новостей и на кончике пера исследователей не только в связи с очередными усилиями по нормализации ситуации в этой стране. Исполняется сто лет установлению в 1919 г. дипломатических отношений между правительством эмира Афганистана Амануллы и правительством народных комиссаров в Москве. Кроме того, в декабре 1979 г. советские войска вошли в Афганистан, который они покинули десятилетие спустя, в феврале 1989 г. «Международная аналитика» публикует фрагменты рукописи новой книги Михаила Алексеевича Конаровского, которому довелось восстанавливать российское посольство в Афганистане после силовой смены режима талибов.

большой практический и профессиональный опыт, были вынуждены переквалифицироваться и перейти на другие направления, как в новых рамках дипломатической службы, так и вне ее. Немало демобилизовавшихся военнослужащих-«афганцев» нашли себя в бизнесе и политике. Однако для всех, кто находился в Афганистане в разные годы и при самых разных обстоятельствах, мирных или военных, эта страна стала важнейшим рубежом всей жизни. Мне неоднократно доводилось убеждаться, как при случайной встрече ранее не знакомых друг с другом «советских афганцев» между ними сразу же устанавливалась незримая внутренняя связь, взаимная симпатия...

Моя очередная командировка в Кабул последовала в 1983 году, вскоре после окончания Дипломатической академии. По возвращении в Москву осенью 1988 года я вышел на работу в Управление внешнеполитического планирования МИД. Потом был Научно-координационный центр – новое, созданное перед самым распадом СССР подразделение, нацеленное на обеспечение более конкретной практической связи между дипломатическим ведомством и главными политологическими центрами страны. Во второй половине 1990-х довелось работать в российском посольстве в США, где, в том числе, заниматься афганской темой. А на самом рубеже нового тысячелетия, уже в Москве, – вникать в проблематику безопасности и многосторонней дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это время запомнилось особо. Работа была в значительной мере новой, интересной и динамичной, а молодой, энергичный коллектив Второго департамента Азии, которым тогда руководили сначала А. П. Лосюков, а затем М. М. Белый, отличался энтузиазмом и высоким творческим зарядом. И потому вполне естественно, что уже через некоторое время многие мои младшие коллеги уже занимали ряд ведущих позиций в системе нашей дипломатической службы как в Москве, так и за рубежом...

События 11 сентября 2001 года застали нас с женой в Коломбо, куда незадолго до того я был назначен послом. Только-только обзавелся достаточным кругом деловых знакомств, инициировал создание в рамках ланкийской Торговой палаты Делового совета с Россией из числа крупных местных предпринимателей, совершил первые рабочие поездки по стране, начал проработку вопроса о давно назревшем строительстве нового комплекса посольства. Много лет оно занимало небольшое здание в престижном районе центральной части Коломбо, буквально стена к стене с канцелярией премьер-министра. Внешне было вполне милым, а резными наличниками на окнах и по фасаду чем-то напоминало «теремок-флигелек» из детской сказки. Но время брало свое – над сооружением целенаправленно трудились термиты, разрушавшие его внутренние перекрытия. Тем не менее реализовать новый проект удалось моим коллегам, и только через десятилетие...

Сюрреалистичную картину обрушения «близнецов» Нью-Йорка 11 сентября 2001 года я наблюдал в утренней новостной программе CNN в рабочем кабинете в посольстве. Сразу позвонил жене, попросил включить телевизор. Ее впечатление о чуть ли не срежиссированном сюжете почти совпало с моим. Тут же припомнилось короткое сообщение двумя днями ранее о фатальном покушении на одного из наиболее активных и успешных деятелей афганского *джихада* 1980-х годов Ахмад Шаха Масуда. А когда впоследствии было объявлено о начале в Афганистане контртеррористической операции, Иннеса как-то совсем обыденно пробросила, что пора, мол, собираться «в родину»: так, путая русские предлоги, говаривал когда-то один наш кабульский знакомец – майор еще королевской армии.

Особого значения этим словам я тогда не придавал, но оказался неправ. Жену, как всегда, не подвела интуиция. События в Афганистане и вокруг него разворачивались стремительно, вскоре последовал телефонный звонок из Москвы. Курировавший кадровое направление заместитель министра А. Л. Федотов, не вдаваясь в подробности, попросил прибыть в краткую командировку... Прямого рейса «Аэрофлота» в Москву пришлось бы ждать почти неделю, и я вылетел через Таиланд, где послом тогда был Е. Д. Островенко. В течение короткого времени, до августа 1992 года, он стоял во главе нашего посольства в Кабуле и после принятия решения о приостановлении его деятельности возглавил непростую эвакуацию персонала.

После принятия в самом конце 2001 года решения о возобновлении работы нашей дипмиссии на должность посла министру иностранных дел И. С. Иванову было предложено несколько кандидатур. Курирующий восточное направление заместитель министра А. П. Лосюков склонялся к моей кандидатуре, и министр согласился с его доводами. Таким образом, в рамках МИД вопрос был предварительно решен. У меня тоже не возникало сомнений: принимать или не принимать предложение. При этом важнейшим фактором была полная поддержка жены, которая выдвинула лишь одно условие – она поедет со мной.

Первые рабочие контакты с новыми властями страны установил наш тогдашний посол в Джибути А. С. Облов. Имея за спиной многолетний опыт работы в Афганистане, он провел в Кабуле первые встречи, ознакомился с логистическими возможностями временного размещения посольства и его сотрудников, по итогам поездки высказал руководству ряд конкретных рекомендаций. Что же касается меня, то лишь с началом практической подготовки к командировке я начал реально осознавать тот огромный ворох проблем, которые требовали срочного решения. Многие из них просто ставили в тупик. В постталибском Афганистане не было практически никаких условий для более или менее современного обеспечения жизнедеятельности посольства и обустройства быта сотрудников. Поэтому, помимо политической составляющей предстоящей работы, пришлось вплотную заниматься буквально всем – транспортом, связью, охраной, организацией питания, восстановлением старого посольского комплекса. Остро стояли и кадровые вопросы, включая подбор административно-технического персонала. Чем больше практических проблем будет разрешено перед вылетом в Кабул, тем легче будет ориентироваться на месте.

Вскоре удалось найти опытного врача «на все руки», служившего когда-то в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (ОКСВ), квалифицированных стоматолога, медсестру и повара. Но особо сложную проблему представлял подбор оперативно-дипломатических сотрудников, резкий дефицит которых стал ощущаться практически сразу. Задача несколько облегчалась тем, что к моменту моего назначения в Кабуле уже находилась небольшая группа во главе с советником-посланником В. И. Иваненко. Учитывая обстановку в стране в целом и в Кабуле в частности, было принято решение командировать сотрудников без семей, сначала «вахтовым» методом (по три месяца), а позже на год. Примерно в таком режиме работали поначалу и представительства других государств...

На инаугурации главы Временной администрации Афганистана (ВАА) Х. Карзая от России присутствовал наш посол в Пакистане Э. С. Шевченко, с которым я был немного знаком ранее, в бытность его советником-посланником в Дели. Эдуард Степанович аккуратно выполнил поручение и, по его собственным словам, был шокирован «наследием» талибов. Вернувшись из Кабула, он позвонил мне в Коломбо (где я завершал прощальные протокольные мероприятия) и, поздравив с наступающим Новым годом, назвал будущую работу «героической миссией». Такие слова коллеги можно было расценить одновременно и как поддержку, и как товарищеское сочувствие. Я склонялся к первому, хотя мое решение принять предложение о работе в Кабуле многими знакомыми (включая и некоторых старых коллег-«афганцев») было встречено достаточно сдержанно. Собственно говоря, на восхищение я не рассчитывал (горячая точка, спартанские условия быта, одни проблемы и больше вопросов, чем ответов), но и особых отговоров не ожидал. Однако понять их было можно. Практически все достаточно долго проработали в «Афгане», отдавая ему все свои силы и эмоции. И хотя те непростые годы уже ушли в прошлое, но продолжали напоминать о себе психологической усталостью, а нередко и горькими воспоминаниями. Сказывались и неоднозначные воспоминания о бесплодности титанических усилий бывшего СССР по оказанию Афганистану всесторонней военной, экономической и политической поддержки...

...Утверждение меня на должность посла в Кабуле в Комитете по международным делам Совета Федерации состоялось 15 января 2002 года, за два дня до рассмотрения вопроса в Государственной Думе. Особых вопросов ни у членов Комитета, ни у его тогдашнего председателя М. В. Маргелова не было. Пожелав мне удачи, он поинтересовался административно-материальным обустройством посольства. Представлявший меня А. Л. Федотов дал подробные пояснения, обратив внимание как на значительные технические трудности в повседневном функционировании миссии, так и на непростой процесс адаптации сотрудников к сложным условиям работы и быта в постталибском Кабуле. Ко мне же у сенаторов был всего один, однако весьма существенный, вопрос. Касался он отношения афганцев к новой России. Ответил, что, по первым информационным сообщениям и по моим собственным предварительным наблюдениям, отношение это было неоднозначным. В новых структурах власти наиболее конструктивно в отношении нас были настроены представители бывших моджахедов, прежде всего «северян». Что же до влиятельного пуштунского крыла Временной администрации, состоявшего преимущественно из так называемых американских афганцев, оно стремительно набирало политические очки и нередко было настроено в отношении России с плохо скрываемой неприязнью. Работа предстояла достаточно сложная.

Обсуждение в Комитете по международным делам Государственной Думы под председатель-

ством Д. О. Рогозина проходило более эмоционально. Депутаты задавали много вопросов, в том числе «с пристрастием», а иногда и с явным намерением «поддать жару» в дискуссию. Сохранение неопределенности и нестабильности в Афганистане в ходе дискуссии вырисовывалось как наиболее вероятный сценарий развития ситуации на обозримую перспективу. Предметом озабоченности депутатов была также перспектива закрепления США в регионах «южного подбрюшья» России. Констатируя активное проникновение Вашингтона в Центральную Азию после распада СССР, члены Комитета выражали серьезную настороженность стремлением американцев и Запада в целом не допустить восстановления позиций России и в Афганистане. В качестве различных вариантов развития ситуации гипотетически указывалось на возможность фрагментации страны на узбекско-таджикский север и пуштунские юг и юго-восток. Выражалась серьезная обеспокоенность и тем, что если не предпринять адекватных мер, то уже в ближайшем будущем проблема наркопроизводства и наркотрафика из Афганистана может превратиться в серьезную угрозу национальной безопасности России. Как показали дальнейшие события, все озабоченности российских парламентариев полностью оправдались.

Отвечая на вопросы, я отмечал, что, в связи с нестабильностью в Афганистане после свержения режима талибов, многое в дальнейшем будет зависеть не только от мирового сообщества, но и от деятельности самого Кабула, от которого потребуются политическое здравомыслие и способность к компромиссам и маневрированию. Отдельно отметил, что не исключаю в будущем роста у нас серьезных противоречий с американцами, особенно по завершении проведения в Афганистане активной фазы антитеррористической операции. В свете событий 11 сентября в США члены Комитета много рассуждали и о личности Усамы бен Ладена. Под занавес встречи Д. О. Рогозин — человек с хорошим чувством юмора — рассказал свежий анекдот. Бен Ладен звонит Дж. Бушу и говорит: «Джордж, у меня для тебя две новости. Одна хорошая, другая плохая. С какой начать?». Тот отвечает: «С хорошей». Бен Ладен: «Джордж, я сдаюсь!». «Прекрасно. А вторая?». Бен Ладен: «Я срочно вылетаю к тебе!..».

7 марта к 17.00 я был приглашен на беседу к президенту В. В. Путину (агреман был запрошен месяцем раньше, выдан Кабулом быстро — всего через двенадцать дней, и уже 21 февраля был подписан Указ о моем назначении). Раньше практики приема руководством страны назначаемых послов не было (во всяком случае, если были, то официально не анонсировались). Инициатива принадлежала тогдашнему помощнику президента по международным вопросам С. Э. Приходько и заместителю начальника Управления по внешней политике А. Л. Манжосину. Они предложили принять двух послов, назначаемых в наиболее критические точки. Кроме меня, на тот же день был назначен прием нового посла в Израиле Г. П. Тарасова, миссия которого начиналась в условиях очередного витка эскалации палестино-израильской напряженности. Селективная практика приема первым лицом государства некоторых назначаемых послов продолжилась и позже. Прежде всего это касалось наиболее значимых для внешней политики России стран или особо «горячих точек». Так, позднее В. В. Путин встречался с будущими послами: на Украине — с В. С. Черномырдиным, в Азербайджане — В. Н. Истратовым, а Д. А. Медведев — с послами: в ФРГ — В. М. Грининым и на Украине — М.Ю. Зурабовым. О повышенном внимании к развитию отношений с Афганистаном свидетельствовало и то, что позднее В. В. Путин принял также и вновь назначенного в Кабул торгпреда В. Н. Иванова. Валерий Николаевич был профессионалом высокого класса с богатым и разнообразным опытом работы в Афганистане, а наше знакомство началось еще в начале 1960-х, в годы общего студенчества в Институте восточных языков при МГУ.

Встреча состоялась в рабочем кабинете президента на втором этаже Первого корпуса Кремля и длилась минут двадцать. В. В. Путин продемонстрировал детальное знакомство с ситуацией в Афганистане, в том числе в ее увязке с обстановкой в Центральной Азии, дал конкретные рекомендации. В практическом плане для меня было важно и его инициативное внимание к оперативному восстановлению разрушенного комплекса посольства. Президент сделал это решительно и повторил дважды, пожелав мне удачи. Я передал ему свою уже давнюю книгу очерков об Афганистане, хотя уверенности в том, что она будет прочитана, естественно, не было.

За несколько дней до вылета в Кабул состоялась встреча с тогдашним мэром Москвы Ю. М. Лужковым. На нее я рассчитывал особо, однако ожидания практически не оправдались. Хозяин здания на Тверской в присутствии около десятка своих сотрудников был, как всегда, деловит и всячески давал понять, что значительным временем не располагает. Сразу перейдя к существу вопроса, я затронул возможность содействия мэрии в восстановлении некоторых экономических объектов в Кабуле, которые в советский период были построены при содействии

Моссовета. К ним, в частности, относились комплекс Кабульского политехнического института (КПИ), а также порядком устаревший, однако еще вполне пригодный к функционированию домостроительный комбинат (КДСК). Именно на него я и напирал в первую очередь. Дело в том, что в течение многих лет это предприятие обеспечивало строительство экономически и социально значимых объектов в Кабуле, соорудившихся, в том числе, с помощью СССР. В их числе, кроме КПИ, были автодорожный техникум, хлебокомбинат, Центральный военный госпиталь. Но основной визитной карточкой КДСК был большой Кабульский микрорайон. Многие годы традиционную панораму города дополняли ровные кварталы четырехэтажных домов, похожих на московские новостройки 1960-х годов. Их сооружение, также начавшееся в 1960-х и расширявшееся до середины 1980-х годов, стало в свое время знаковым событием в местном градостроительстве. Это же означало и совершенно новый этап в жизни значительной части горожан среднего достатка. Современные квартиры европейского образца вообще были в Кабуле достаточно новым явлением, и поначалу афганцы переселялись в микрорайон с опаской. Особое восхищение, как рассказывали наши соотечественники, работавшие в городе в 1960-е годы, вызывали централизованное водоснабжение и канализация. Впоследствии же этот городской анклав приобрел завидную популярность, и спрос на квартиры настолько вырос, что строительство было значительно расширено. Аналогичные анклавы экономкласса появились и в других частях города.

Работа КДСК фактически прекратилась еще в начале 1990-х годов. Постталибские власти рассчитывала на безвозмездное содействие Москвы в его восстановлении. Поддерживая такой подход, я исходил, прежде всего, из практической значимости комбината для экономики афганской столицы. Но уговорить Юрия Михайловича не удавалось. «Только на коммерческой основе!» — поначалу отрезал он. Но позднее все же согласился выделить средства на капитальный ремонт актового зала КПИ, который афганская сторона была заинтересована провести в максимально короткие сроки. К этому ее подталкивал, в том числе, острый дефицит современных площадок для проведения в Кабуле крупных общественно-политических мероприятий. В Политехническом же институте такие возможности имелись. Там первоначально и предполагалось провести в июне Чрезвычайную Лойя Джиргу, предусмотренную еще международной встречей по Афганистану в Бонне осенью 2001 года.

Я рассчитывал, что поездка в Россию кабульского градоначальника на основе уже имеющегося приглашения будет способствовать успешному решению вопроса о направлениях сотрудничества с мэрией Москвы. В связи с этим просил Ю. М. Лужкова оказать ему достойный прием, приурочив к визиту и решения по объемам и условиям содействия афганской столице. Поездка состоялась, однако только в апреле следующего, 2003 года. Причем и за эту поездку нам пришлось побороться с бюрократией на Тверской. Летом 2002 года новым кабульским мэром был назначен М. Джагдалак, биография которого носила типичные черты афганских реалий последних десятилетий минувшего века. Выходец из влиятельного пуштунского племени ахмадзаев, новый градоначальник — *шарваль* — в свое время был активным моджахедом. После его назначения мы предложили мэрии Москвы направить поздравление с одновременным обновлением приглашения. Однако неожиданно получили ответ, что ни поздравлять М. Джагдалака, ни форсировать вопрос о его приглашении к нам не планируется. «Новый мэр является практически неизвестной личностью и пока не успел проявить себя на новой должности» — аргументировал позицию в факсимильном послании некий господин Долгошлюбов — один из достаточно влиятельных фигур московской мэрии того периода. Свой отказ он обосновывал и тем, что М. Джагдалак «был назначен “сверху”, а не избран демократическим путем»... Пришлось убеждать московские власти окольными путями и в более решительных тонах.

...С незадолго до того избранным губернатором Московской области, бывшим командующим 40-й армией генерал-полковником Б. В. Громовым ранее мы неоднократно пересекались в Кабуле. Тем не менее, во избежание возможных бюрократических проволочек в его аппарате, я воспользовался самым верным путем — предложением своего доброго знакомого, тоже бывшего офицера-«афганца», посодействовать в организации встречи с новым главой Подмосковья. Учитывая профессиональное прошлое и нынешний статус бывшего командарма, я прозондировал возможность оказания безвозмездной гуманитарной помощи афганской стороне от Московской области. Борис Всеволодович пообещал, однако просил немного повременить, пока не освоится в новой должности (на момент нашей встречи не прошло и месяца после его избрания). Многочисленные проблемы Подмосковья требовали срочных решений, и первая безвозмездная помощь от него поступила в Афганистан уже после моего возвращения из Кабула...

Запомнилась встреча и с председателем Торгово-промышленной палаты Е. М. Примаковым, особенно в части его оценок политических перспектив российско-афганских отношений. Видение академиком перспектив обстановки в Афганистане и наших двусторонних отношений на их новом этапе было в целом выдержано в духе официальных подходов и оценок. Вместе с тем опытный политик уже тогда аккуратно размышлял о целесообразности продумывать возможности определенного вовлечения во властные структуры Афганистана деятелей из числа сторонников талибов и, вообще, о необходимости внимательней взглянуть на традиционный пуштунский фактор в этой стране. Обменялись мнениями и об экономической составляющей отношений. Я полагал, что поиск нашими компаниями (многие из которых появились недавно и не имели опыта работы в Афганистане) выходов на местные рынки и упорядочение их деловых контактов с местными партнерами, решение вопросов участия в проектах восстановления разрушенного войной хозяйства — всё это уже сейчас требует общей координации. В связи с этим было бы полезно создать ассоциацию делового сотрудничества. Развитие этот сюжет получил позже, во время визита в Москву министра иностранных дел А. Абдуллы в ноябре. В результате же встречи с Е. М. Примаковым состоялось решение об обмене делегациями для проведения переговоров на данный счет. Впоследствии было оформлено также соглашение о создании российско-афганского делового совета.

КАБУЛ ПОСТТАЛИБСКИЙ

Агреман с согласием о назначении получен, Указ президента подписан, и можно было вылетать к месту службы. Но неожиданно вновь возникли технические трудности. Теперь уже связанные с перелетом. Регулярных рейсов «Аэрофлота» или афганской авиакомпании «Ариана» уже давно не было, и добраться к месту назначения можно было «на перекладных» с пересадкой в Исламабаде, во Франкфурте или Дубаи. После долгих раздумий и с учетом необходимости прихватить с собой кое-какой домашний скарб мы решили не делать большой крюк и лететь через Душанбе. А поскольку и оттуда гражданских авиарейсов в Кабул не было, пришлось договариваться на этот счет с командованием российских погранвойск, которые в тот период «прикрывали» таджикско-афганскую границу.

5 мая мы с женой вылетели в Кабул на грузовом Ан-26 с маленькой кабинкой на два пассажира. Самолет был довольно ветхим, экипаж состоял из пилота и штурмана. Провожал нас давний товарищ и коллега, старый «афганец», тогда посол России в Таджикистане М. А. Пешков. На сутки он «приютил» нас у себя в небольшом, глинобитном особнячке традиционной постройки в старой части Душанбе. От улицы дом отделял массивный глинобитный *дувал*, который скрывал от чужих глаз и миниатюрный зеленый садик. К тому времени вверенное правнуку Максима Горького посольство уже функционировало на первых этажах капитально отреставрированного бывшего жилого восьмиэтажного здания на проспекте Рудаки. Сотрудники обживали свежие квартиры, за исключением руководителя: ремонт предназначенных для посла помещений пока не был завершен. Новый комплекс включал также здание консульского отдела, бассейн, теннисный корт, детскую площадку, не говоря о хозяйственных службах. А на первом этаже административно-жилого дома функционировала и хорошая столовая. Правда, со всем этим мы познакомились позже, во время одной из поездок в Душанбе из Кабула «на побывку». Я искренне порадовался за своих коллег, которые наконец-то обрели нормальные рабочие и бытовые условия. Тем более что сравнить их с прошлыми я мог на личном опыте.

В Кабул летели часа полтора; сидели за небольшим шатким столиком, наблюдая за окном иллюминатора впечатляюще унылый горный пейзаж. В Кабуле приземлились в 11:30 утра. Панорама города сверху ничуть не изменилась: те же, как и раньше, серо-терракотовые горы и такие же, в основном, невысокие глинобитные дома на фоне рваных кусков еще не сочной зелени. На скорую руку залатанная взлетная полоса небольшого международного аэропорта, рядом с которой сиротливо примостились самолет с опознавательными знаками ООН, пара боевых вертолетов советского производства, старый гражданский «Боинг» авиакомпании «Ариана». Основной терминал, как и всё вокруг, носил отпечаток многолетнего запустения. Зато небольшой салон для VIP пассажиров был плотно заставлен неуместно помпезной, хотя явно не новой мебелью. Встречал нас немногочисленный оперативно-дипломатический состав посольства и два представителя протокольного отдела местного МИД. Они, по правилам классического протокола, сопроводили нас в посольство в древнем, но вполне опрятном представительском «Мерседесе» с просиженными кожаными сиденьями темнобордовых тонов.

Дорога в город, которую недавно переименовали в честь А. Ш. Масуда, была переполнена повозками и поражающим бедностью многолюдьем. Беспорядочная вереница *дуканов*, сооруженных из пустых автодорожных контейнеров или из наспех сколоченных неотесанных досок. Традиционный небогатый набор местной придорожной торговли — овощи, фрукты, запыленные банки безалкогольных напитков, чай, сигареты и пр. На прохожих — обилие традиционных мужских *патлюнов* и коротких *васкетов* поверх рубашек навыпуск. Из головных уборов преобладали *паколи*, которые наши сограждане когда-то именовали «афганками» или «моджахедками». Женщины в чадре были в явном меньшинстве, а в европейской одежде и вовсе почти не встречались. Зато везде были многочисленные портреты А. Ш. Масуда.

Район Вазир Акбар хан мина, где временно располагалось наше посольство, почти не тронули военные действия *моджахедов* и *талибов*. Здесь сохранилась практически вся застройка — небольшие двухэтажные дома начала 70-х годов прошлого века. Из-за огромного дефицита современного городского жилья этот район являлся наиболее приемлемым из всего, что могли предположить арендодатели. Иностранцы, количество которых в Кабуле после падения режима талибов увеличивалось в геометрической прогрессии, охотно арендовали здесь помещения. Этим тут же воспользовались домовладельцы или их представители (поскольку в период талибов многие состоятельные горожане предусмотрительно выехали в Пакистан, Индию или ОАЭ, а то и дальше — в Европу и Америку). Владелец небольшого двухэтажного дома, где поначалу размещалось наше посольство, узнав о предстоящем приезде посла, ультимативно затребовал арендную плату в четыре раза выше той, которую он получал еще совсем недавно. После долгих торгов и уговоров нашим коллегам удалось-таки умерить его аппетит почти вдвое. Однако зданию был необходим ремонт; того же требовали и другие арендуемые нами небольшие коттеджи рядом. Охраняли все хозяйство командировавшиеся по ротации российские пограничники, а также несколько бойцов спецназа.

Первое впечатление от коллектива создавалось неплохое; чувствовалось, что все осознавали трудности не только в работе, но и в повседневном быту, и были готовы к ним. Кое с кем я был знаком давно, а некоторых, включая технический персонал, ранее непосредственно подбирал сам. Через несколько дней после приезда Иннеса впервые вышла в город. Известный Зеленый базар во многом сохранял свой общий, хорошо запомнившийся еще с 1970-х годов колорит. А в одной из мясных лавок она даже обнаружила древний холодильник, в котором, как и много лет назад, продолжали хранить говяжью вырезку. Правда, старого хозяина уже не было в живых. И хотя где-то промелькнула пара знакомых лиц, но здесь правили бал уже совсем другие типажи...

Сразу по приезде я нанес протокольный визит министру иностранных дел А. Абдулле для передачи копий верительных грамот главе ВАА. С ним мы мельком виделись во время недавнего визита в Москву Х. Карзая. Разговор начали на английском, но почти сразу же перешли на дари. Бывший офтальмолог произвел благоприятное впечатление: немного выше среднего роста, хорошо и элегантно одет, мягкий взгляд и спокойная, уверенная манера держаться. На выходе из здания МИД я неожиданно столкнулся со старым знакомцем — бывшим деканом юридического факультета Кабульского университета Даудом Панджшири, братом известного поэта и многолетнего члена политбюро ЦК НДПА. В 1980-е годы я поддерживал с обоими не только деловые, но и неплохие личные контакты. Сейчас же Дауд собирался возглавить афганское посольство в Душанбе, был приветлив, но достаточно сдержан.

Построенное в 1960-х годах новое трехэтажное здание афганского МИДа до сих пор остается одним из наиболее изящных сооружений центральной части Кабула. Как и ряд особняков афганской знати, оно примыкает к большому дворцовому комплексу Арк, который более ста лет был резиденцией монархов, а затем президентов¹. Там же располагались и комфортные пред-

¹ М. Дауд пригласил советского и американского послов с супругами за свой отдельный стол (сам глава государства был один). После пары глотков холодной кока-колы со льдом (безалкогольные напитки предлагались официантом в обнос, крепких не подавали), я неожиданно почувствовал себя настолько плохо, что был вынужден просить у Александра Михайловича разрешения вернуться в посольство. Меня подменил бывший тогда первым секретарем С. П. Гаврилов — один из наиболее ярких и талантливых дипломатов, с которыми мне приходилось встречаться и сотрудничать в течение всей моей почти сорокалетней службы в системе МИД. Вплоть до своей внезапной кончины от сердечного приступа в возрасте 46 лет он оставался для меня и многих коллег по «афганскому цеху» не только доброжелательным наставником, но и добрым товарищем...

С большим трудом удалось выбраться за оцепление республиканской гвардии и полицейских, которые сначала не хотели выпускать меня, так как по всему периметру здание МИД и парк были оцеплены плотным кольцом охраны. Но в конце концов шлагбаум открыли. Из-за полицейских кордонов поймать такси было непросто, но, наконец, удалось добраться до дома. Со мной довольно долго возился посольский врач, и окончательно я выздоровел только дней через десять. По всему,

ставительские помещения, где проводились как официальные приемы, так и международные конференции. Тыльная часть здания смотрела на стену бывшего королевского дворца, и между ними когда-то был разбит большой элегантный парк европейского ландшафтного дизайна с изящными дорожками и декоративными мостиками. В одном из отдаленных уголков был даже небольшой японский садик. В 1970-х годах президент М. Дауд любил устраивать именно здесь государственные приемы в связи с годовщинами восстановления независимости страны, и эту традицию потом частично переняли лидеры НДПА.

Парк при МИДе не мог не нравиться. Однако меня с ним связывали не очень приятные воспоминания о сильном отравлении, которое я получил в 1976 году, сопровождая посла А. М. Пузанова на один из таких приемов.

Сейчас как парк, так и само здание МИД казались в полном запустении. Создавалось впечатление, что здесь годами не гуляла самая простая уличная метла. Однако в целом постройкам министерства, как и всему центральному кварталу города, повезло: во время междуусобиц и боевых операций они практически не пострадали — основные разрушения пришлось на юго-западную часть Кабула и район вокруг советского посольства. Менее чем через год новые власти привели в порядок здание МИД. Был сделан добротный ремонт; в кабинетах и представительских помещениях расставили новую мягкую мебель в классическом европейском стиле; не поддававшиеся чистке пыльные ковры заменили на новые, в основном афганские *маури* (меврские), традиционных темно-бордовых тонов с многоугольным орнаментом. На потолках снова засияли хрустальные люстры, а на стенах появились картины в добротных багетах. Среди них были и пейзажи некоторых европейских мастеров XIX—XX веков или их копии².

Преобразился и расположенный на третьем этаже кабинет министра. На рабочем столе — массивный письменный прибор, на журнальном столике и шкафах вдоль стены — изделия из традиционного местного поделочного камня — арагонита. На стенах портреты Х. Карзая, экс-короля Мухаммеда Захир-шаха, а также А. Ш. Масуда. Всё четко выверено и политкорректно: глава государства, «Отец нации» (этот титул экс-король получил на Чрезвычайной Лойя Джирге немного позже, летом 2002 года) и национальный герой. Триптих подобной композиции мне больше не встречался ни в одном из руководящих кабинетов Кабула. Хотя, в зависимости от политических пристрастий хозяев, сочетания выставлявшихся фотографий бывали разные.

К осени 2002 года преобразились и просторные представительские помещения первого этажа министерства, куда постепенно стали переноситься из Арка и все основные протокольные мероприятия. Стены представительских помещений украсили живописные работы афганских авторов, прежде всего получившего в свое время широкую известность М. Ю. Асефи, врача по профессии. Это были преимущественно виды, связанные со страницами афганской истории: старая мечеть Ходжа Парса в Балхе, древняя крепость Балахиссар в Кабуле, знаменитые наскальные изваяния Будды в Бамиане. (В конце 1990-х годов они, как и историческое поселение греко-бактрийского периода Ай Ханум на севере страны, были варварски уничтожены талибами.) Однажды, по случаю, у хозяина одного из арендованных нами коттеджей я приобрел стильную работу этого автора — «Минарет в Газни», которую позже передал в дар нашему посольству.

...Верительные грамоты Х. Карзай принимал в большом представительском зале второго этажа административного корпуса *Гольхана* дворца Арк. По одну сторону от него стоял А. Абдулла, по другую — советник по международным вопросам М. Я. Маруфи. От главного входа в зал ведут два пролета широкой мраморной лестницы с массивными резными деревянными перилами и изящным бронзовым светильником в виде средневекового парусника. С правой стороны к залу примыкает рабочий кабинет главы государства, а с левой — просторное помещение, где раньше проводились заседания кабинета министров. Все они, а также «личные апартаменты» в соседнем здании традиционно выдерживались в классическом европейском стиле: мрамор-

отравление могло быть спровоцировано недостаточно чистым льдом. Но бдительный помощник посла по вопросам безопасности не исключал, что оно могло быть и преднамеренным (разумеется, не в отношении меня, а кого-то из сидевших за столом высоких персон). Однако, поскольку ни с кем из них, слава Богу, ничего дурного не произошло и прием прошел вполне благополучно, то и сеять лишние подозрения наш «безопасный» не стал.

² В свое время представители старой афганской аристократии в своих зарубежных поездках, в том числе в Советский Союз, приобретали кое-какие произведения европейской живописи, хотя я никогда не слышал, чтобы среди них были ядовитые коллекционеры (король был исключением). Тем не менее некоторые, в том числе Мухаммед Наим — младший брат президента М. Дауда и один из его наиболее доверенных лиц, заместитель министра иностранных дел по политическим вопросам В. Абдулла, при посещении Москвы иногда просили отвозить их в знаменитые комиссионные магазины на старом Арбате и улице Горького...

ные полы и стены коричнево-бежевых тонов, темная бронза настенных светильников и люстр, глубокие диваны и кресла, а также неизменный камин у стены. Когда-то здесь король Мухаммед Захир-шах проводил встречи с высокими гостями и иностранными послами.

Эту традицию впоследствии перенял президент М. Дауд, однако свои беседы предпочитал вести не у камина, а в центре представительской залы. Сменившие его лидеры проводили их, как и позднее Х. Карзай, в основном в рабочем кабинете. Позади письменного стола у стены стоял резной деревянный книжный шкаф, сбоку от стола темного махагона располагался угловой камин. Позже в приемной зале, как и в других помещениях дворца, по настоянию американцев, вместе с афганцами (до трехсот человек) начали круглосуточно дежурить и около ста двадцати охранников из США. Однако в решение организационных вопросов они не вмешивались. Примечательным же было то, что, когда в связи с выездами Х. Карзая за рубеж, а также в поездки по стране, его рабочий кабинет временно занимал М. Фахим, то американские охранники тут же куда-то исчезали.

Бывший просторный кабинет министра королевского двора с эркерными окнами и небольшим декоративным мраморным бассейном с фонтанчиком в центре поначалу был передан помощнику и пресс-секретарю Х. Карзая, а вскоре после его назначения послом в Вашингтон – секретарю Совета безопасности. Эта должность (в ранге министра) была введена летом 2002 г. После Чрезвычайной Лойя Джирги ее занял близкий к «королевской партии» и Х. Карзаю бывший министр гражданской авиации З. Расул (позднее он стал министром иностранных дел, а в 2014 году не без поддержки Х. Карзая пытался выдвинуть свою кандидатуру на президентский пост). Создание Совета национальной безопасности, как и назначение прозападного профессионала на пост советника означали закрепление контроля пуштунского сегмента правительства над вопросами внешней политики и национальной безопасности. В состав Совета вошли глава государства, его заместители, министры обороны, внутренних и иностранных дел, а также начальники разведки и контрразведки. Секретарь Совбеза был наделен значительными функциями и, по американскому примеру, стал занимать особое место в иерархии ВАА, имел прямой доступ к главе государства и два раза в день лично докладывал ему о развитии международной и региональной обстановки.

Позднее под расширяющийся аппарат Совета было передано небольшое двухэтажное здание рядом с рабочей резиденцией главы государства. Его структура, внутренний распорядок и оснащение – всё было организовано с особо повышенным вниманием к вопросам безопасности и секретности. Усилиями американских советников здание превратилось в своеобразный бункер, попасть куда было даже сложнее, чем к первому лицу страны. От остальных строений его отделяла дополнительная ограда, у входа в здание стоял американский охранник «при полной выкладке». В отличие от других ведомств, здесь все было чинно и деловито, а в коридорах малолюдно и никакой суеты. Другие же кабульские учреждения в целом сохраняли традиционный местный бюрократический колорит. Его неизменным атрибутом был дремлющий на стуле у дверей начальствующих кабинетов служка – *пийада*, или *бача*. Одет исключительно в традиционные *патлюны*, длинную рубашку навыпуск, на голове простенький *дастар*, а на часто босых ногах – грубые *чапли* (сандалии) или галоши. Появившиеся в свое время в Афганистане из России, они до сих пор так и называются на русский манер – *калауш*. В любой момент служка готов принести посетителю чай в алюминиевом чайнике и с не всегда чистыми пиалами. Но зато обязательно с каким-либо довеском – то кусочком сухого бисквита, то небольшой тарелочкой с *ноклем*. В новое же здание Совета безопасности и на его этажи сотрудники попадали только по персональным сенсорным карточкам, а гостей ни на минуту не оставляли без наблюдения, да и чаю не предлагали. (Правда, касались ли такие строгости всех или только российских представителей, сказать не могу).

...Выгодное географическое положение Кабула издавна сделало его значимым центром пересечения караванных путей от Средиземного моря к Индии и Китаю. Столицей же город стал в 1773 году, почти сразу же после основания первого централизованного афганского государства. Восточная, его самая старая часть, традиционно застраивалась плотными рядами глинобитных построек, над которыми и сегодня возвышаются остатки доминировавшей когда-то над долиной крепости *Балахиссар*. Позже на развалинах окружавших ее кварталов возник большой район под таким же названием. С конца XVIII века город начал быстро развиваться, и вокруг *Балахиссара* стали появляться разного рода общественные сооружения, жилые дома, мечети, бани, караван-сарай. Возникали и новые жилые районы, входившие во внутреннюю границу города. Во второй половине позапрошлого столетия появился большой

район под названием *Ширпур*. Позднее для иностранцев он стал известным благодаря созданному здесь британцами европейскому кладбищу, которое и сегодня именуется кабульцами *Кабр-е-гура* (захоронение краснолицых — так население бывшей Британской Индии нередко именовало англичан).

Недалеко от нашего посольства в районе Дар-уль-Аман, на полпути к вершине небольшой горной гряды, многие годы находилось и небольшое советское кладбище всего с несколькими захоронениями периода 1933—1950-х годов. В начале семидесятых оно было частично отремонтировано и продолжало скромно содержаться за счет посольства. После того как в 1992 году функционирование нашей миссии было приостановлено, кладбище оставалось фактически без какого-либо присмотра. Поэтому после приезда в Кабул, с первой же оказией мы с женой и несколькими сотрудниками решили его осмотреть. Особо тревожили предположения о возможном осквернении захоронений. (Такие мысли подпитывались и тем, что если раньше район кладбища был достаточно малолюдным, то сейчас к нему уже вплотную подступали стены новых глинобитных построек.) Однако, к счастью, этого не произошло, хотя о кладбище не могли не знать как моджахеды, так и талибы. Оно уже требовало капитального ремонта, включая надгробья, лишь на двух из которых можно было, да и то с трудом, различить надписи.

Через несколько месяцев подрядная организация, приступавшая к восстановлению комплекса посольства, завершила работы. Территория была расчищена и засыпана гравием, ограда отремонтирована, восстановленные надгробья облицованы плитами серо-темного искусственного мрамора. Но, увы, при этом не удалось сохранить не только первоначальный вид кладбища, включая глинобитную стелу главного захоронения с металлической пятиконечной звездой, но и его определенный восточный колорит.

Посетив однажды *Кабр-е-гура*, я и там обнаружил несколько захоронений наших соотечественников, которые волею обстоятельств оказались в Кабуле после 1917 года. Последняя из надгробных плит датировалась уже второй половиной 1940-х годов, когда в районе Дар-уль-Амана уже существовало советское кладбище. Значит, водораздел между соотечественниками на чужбине проходил и по кладбищенским ступеням. Из опыта своей предыдущей работы в Кабуле я знал, что в советском посольстве что-то слышали о *Кабр-е-гура*, однако интереса к тому, что оно, возможно, хранит и останки наших соотечественников, не проявляли. С помощью той же подрядной организации в 2003 году мы привели в порядок и эти захоронения...

Со временем центр Кабула постепенно перемещался на север, а к 1919 году появились соборная мечеть *Пол-и-Хешти*, дворцы *Баг-е-Бала* и *Чельсотун*, мавзолей эмира Абдуррахман-хана, несколько резиденций для гостей эмира, а в целях упорядочения жизнедеятельности столицы — создана мэрия. К концу Первой мировой войны территория столицы увеличилась более чем вдвое, население достигло 65 тысяч человек. К началу Второй мировой оно выросло еще на столько же, а площадь города — почти в три раза. К концу 1930-х годов в центральной части Кабула начались работы по сооружению двухэтажных кварталов по обеим сторонам набережной и приведению в порядок берега реки с тем же названием. Этапным периодом стало создание крупнейшего проспекта города — *Джаде-йе-Майванд* и его застройка достаточно современными трех-четырёхэтажными домами. К 1950 году этот широкий проспект украсил огромный, более чем на тысячу мест, кинотеатр с торговым центром.

Активное развитие жилищно-гражданского строительства и превращение Кабула к началу 1960-х годов в крупнейший город страны предопределили необходимость как его асфальтирования, так и выработки генерального плана развития на перспективу. Обе эти задачи были решены советскими специалистами с расчетом на население сначала в полмиллиона человек, а позднее и в четыре раза больше — в 1978 году План был доработан уже из расчета на два миллиона. Однако до сооружения центрального водоснабжения и общегородской канализации руки не доходили. Да и телевидение появилось в Кабуле только в начале 1970-х.

Наиболее престижным районом города к концу 1960-х годов становился Вазир Акбар хан мина — одна из бывших северных окраин на выезде из города, примыкающих к международному аэропорту. В результате активного освоения смежной территории в 1970-х годах туда постепенно перебрались некоторые посольства. Тремя особняками «отметилась» и королевская семья. По иронии судьбы, в одном из двух почти «близнецов», построенных для старших сыновей Мухаммеда Захир-шаха, некоторое время после возвращения в Кабул проживал и сам экс-монарх, а второй был передан под резиденцию руководителя МООНСА Л. Брахими. Наиболее же симпатичными были тихие районы с трех-четырёхэтажными домами современной постройки и магазинчиками на европейский лад в центральной части — Шар-е-нау. В постталибский пе-

риод он начал довольно быстро восстанавливаться и вновь стал местом, наиболее посещаемым иностранцами.

Европеизированные ресторанчики в центре города когда-то были популярны и в советской колонии. Впрочем, наши люди предпочитали две простые шашлычные — кебаби. Одна была совсем рядом с известным Зеленым базаром, и после поездки в Кабул Ю. А. Гагарина на одной из стен этого заведения появилась большая фотография первого космонавта. С тех пор шашлычную так и стали в обиходе именовать «Гагаринской», или «Гагаринкой». Вторая называлась «У Дад-е-хода», по прозвищу хозяина. В период талибов он куда-то исчез, но само заведение сохранилось, растеряв, однако, прежний колорит, да и кебаб здесь уже не казался таким сочным и ароматным, как когда-то. Тем не менее постепенно наши сотрудники стали навещать и туда. Трапезничали, правда, уже не в основном помещении с видом на улицу и известный в городе кинотеатр «Парк», а в боковом, с выходом в небольшой внутренний дворик. В свое время еще одна кебаби именовалась нашими «У пахлевана» и была известна немногим, так как находилась, хотя и недалеко от центра города, но в его глухой и малосимпатичной части. Хозяином заведения, который сам себя именовал пахлеваном (борцом), был внушительный одноглазый детина с густой окладистой бородой и огромными ручищами, которыми лично разделявал баранину под кебаб. А завершалось действие филигранной работой длинного, остро заточенного ножа, рукоятку которого пахлеван держал между большим и вторым пальцем ноги.

Проживавшие в Кабуле в разные годы советские специалисты и члены семей по ассоциации наделяли многие общественные места и торговые точки собственными, внешне не имевшими прямого отношения к их существу, названиями и эпитетами. Так, в 1920-е годы одна из главных улиц Кабула с первыми европейскими магазинами и парикмахерскими в обиходе именовалась проспектом Карла Маркса. И десятилетиями позже «народная молва» продолжала штамповать собственные названия многим примечательным, прежде всего для шопинга, местам. Ювелирные украшения иногда покупались «У рыбок», поскольку витрину этого дукана украшал небольшой аквариум; кое-какой ширпотреб приобретался «У бороды», поскольку хозяин лавки отличался большой окладистой бородой; ткани нередко торговались в «Чистой дырке». Бывало это и в «Грязной дырке» в районе старого города и «Грязного базара», куда появляться не рекомендовалось даже в относительно спокойные времена.

Такое «словотворчество» остается в обиходе среди наших сограждан и во многих других странах Азии. Так, в Пекине многие годы напротив комплекса нашего посольства вели бойкую торговлю три небольших продуктово-бакалейных магазинчика. Там всегда можно было приобрести, в том числе, и некоторые отечественные продукты. Но, в отличие от Кабула, эти заведения вполне официально назывались «У бабушки», «Братья» и «Юра». Поначалу их именовали так между собой наши соотечественники, и со временем эти ассоциации нашли отражение на сооруженных хозяевами вывесках. То же самое имело место и с обиходным наименованием близлежащей к посольству в Пекине улицы «Бедняжка» — с небольшими забегаловками, овощными и фруктовыми лавками «экономкласса». В Дели же один из наиболее популярных среди наших соотечественников рынков ширпотреба “Yashaw Place” и сегодня запросто именуется «Яшка»...

Впервые я приехал на работу в Кабул в начале 1969 года в качестве руководителя курсов русского языка, которые функционировали при Министерстве информации и культуры Афганистана. Жил недалеко от центрального полицейского участка и небольшого городского зоопарка. Место было удобное, располагалось сравнительно недалеко от комплекса советского посольства — километра два по проспекту Дар-уль-Аман, и я часто добирался туда пешком, чтобы победать в столовой при клубе. Иногда заглядывал в зоопарк и к его директору, армейскому майору, который считался также одним из адъютантов младшего сына короля, принца Надира. Сам же Его высочество числился официальным патроном этого казенного учреждения. Достаточно молодой, но уже начинавший полнеть офицер, скучавший в маленькой административной постройке, был всегда рад поболтать, а заодно и полистать советские журналы на фарси и английском языках. Босоногий *бача* тут же приносил чай в металлических чайничках, прихватив пиалы или небольшие граненые стаканчики.

В те времена Кабульский зоопарк был учреждением относительно новым — его открыли только в 1967 году при содействии западногерманских специалистов. Был он невелик, но достаточно, по местным меркам, чист и ухожен. Большого разнообразия обитателей не было — главным образом афганская фауна, в том числе редкие породы оленей — бухарских, туганских, вапити и др., черные и бурые медведи, волки, рыси, газели, разнообразные пернатые. Позднее безусловным украшением стал подаренный в 1973 году королем редкий снежный леопард, а также слоненок — дар

тогдашнего президента Индии Ш. Гири во время его государственного визита в Кабул. В период правления НДПА зоопарк становился все более богатым и зрелищным, набирая популярность как у взрослых, так и у детей, а ежегодное число его посетителей переваливало за полторы сотни тысяч. Однако при талибах началось упадок и деградация. Новые хозяева облюбовали зверинец как место для варварских игр и экзекуций животных, иногда превращая его и в импровизированное стрельбище. А старого льва, позволившего себе рыкнуть на вошедшего в вольер талиба, тот, не раздумывая, подорвал на гранате. Аналогичная печальная участь постигла и многолетнего сторожа Акбара.

Вернувшись в Кабул в 2002 год, мы не могли не посетить его основные нехитрые достопримечательности. В обязательной программе был и зоопарк, где, на свое удивление, в унылом, вытоптанном запустении вновь обнаружили нескольких посетителей с детьми...

Первое впечатление о постталибском Кабуле было тягостным. Кругом – кричащие нищета и разруха, отсутствие элементарного общегородского хозяйства, голодные базары, настороженные лица мужчин и стремящиеся поскорей незаметно промелькнуть женщины в чадре. Но постепенно все начинало преображаться, и присутствие большого количества иностранцев, в том числе военных, сыграло в этом самую заметную роль. С конца 2001 года в город начали активно прибывать сотрудники ООН, дипломатических миссий и коммерческих учреждений, представительств СМИ и разного рода неправительственных организаций. На улицах стало заметно возрастать количество автомобилей. К концу 2002 года в городе их насчитывалось уже почти 130 тысяч, на фоне практически полного отсутствия любых парковочных мест.

Вновь открывались старые *дуканы* и европейские магазинчики, постепенно насыщавшиеся товарами первой необходимости; возобновляли работу кинотеатры со столь любимыми здесь героями Болливуда. Приметным явлением стали учащиеся и студенты. Однако чадра исчезать упорно не хотела, да так и не захотела, хотя впоследствии все чаще начали вновь появляться и открытые лица. На городском стадионе, который талибы еще недавно использовали для показательных казней, вновь стали проходить спортивные соревнования, парады и демонстрации...

ПОСОЛЬСТВО

С конца 2001 года в Кабуле начали возобновлять работу иностранные дипломатические представительства. Соответствующая церемония в нашем посольстве состоялась 28 декабря 2001 года, ее провел советник-посланник В. И. Иваненко. В октябре 2002 года вновь приступило к своим обязанностям российское генконсульство в Мазари-Шерифе, а в ноябре в Кабуле открылось торговое представительство.

О том, что наш «посольский городок» был фактически разрушен и потому непригоден ни для работы, ни для проживания, мне было достаточно хорошо известно еще в Москве. Документальные видеоклипы и фотографии привозили по случаю наезжавшие в Кабул представители различных ведомств, в том числе МИД. Да и на российском телевидении иногда мелькали кадры того, что осталось от комплекса в результате кровавого противостояния моджахедов в начале 1990-х. Скорее всего, группировки бывших союзников отнюдь не преследовали цель окончательно разрушить «гнездо советских безбожников». Они стремились занять стратегически важный юго-западный район города с разветвленной жилищной и хозяйственной инфраструктурой, каким в течение многих лет являлся Дар-уль-Аман. Особо лакомым куском был расположенный здесь комфортный во всех отношениях административно-жилой комплекс со всеми современными удобствами.

Первоначально, помимо основного здания и представительских помещений, в него входили четыре четырехэтажных жилых дома, клуб, бассейн, большая открытая эстрада и киноплощадка. Здесь же располагалось и компактное двухэтажное здание торгового представительства, а поодаль – отдельный административно-жилой комплекс Аппарата экономического советника. В 1980-х годах территория была значительно расширена, осуществлено дополнительное строительство (в том числе больницы), и к концу десятилетия здесь могли вполне комфортно разместиться до двух тысяч человек.

Мрачное зрелище полуразрушенного посольского комплекса я как-то сразу спонтанно сравнил с развалинами Сталинграда. А Иннеса, которая находилась со мной во всех командировках в Афганистане, только почти через год, да и то после долгих уговоров, решилась-таки взглянуть на старые места. Комплекс требовал самых серьезных восстановительных работ,

а пока совершенно не соответствовал стоявшим перед нами оперативным задачам. Учитывая плачевное состояние постталибского Кабула и разрушенную инфраструктуру городского хозяйства, проблема была не из простых. На ближайшее же время необходимо было обеспечить компактное проживание сотрудников. И тут коллегам весьма пригодилось знание языка дари, местных реалий, да и предыдущий опыт работы в Афганистане. Удалось арендовать несколько небольших двухэтажных жилых коттеджей в одном переулке и обеспечить сквозные проходы через территории. Внешнюю охрану осуществляли вооруженные пограничники. Их количество первоначально составляло около тридцати человек, но позднее была проведена существенная оптимизация.

Временное здание посольства сразу стало объектом достаточно назойливого внешнего наблюдения. В этом явно усердствовали и американцы, которые после формирования ВАА стали проявлять активный интерес к закреплению, в том числе, в афганских спецслужбах. У резиденции постоянно дежурили неизвестные люди; наши охранники неоднократно подмечали активную «наружку» за автомобилем посла, а помощник посла по вопросам безопасности фиксировал несколько точек в соседних домах, из которых проводилась фотосъемка. В конце марта 2003 года в сторону одного из наших сотрудников, который занимался на крыше профилактическим осмотром оборудования связи, был произведен неприцельный выстрел из пневматической винтовки повышенной мощности с утяжеленной пулей.

В связи с тем что в течение достаточно длительного времени действовало распоряжение о пребывании в Афганистане наших сотрудников без семей, жилищные условия были «коммунальными» и спартанскими. Из-за резкой нехватки в городе электричества (его подключали не более чем на три-четыре часа в сутки), а также отсутствия нормального водоснабжения приходилось закупать за рубежом электрогенераторы, оперативно решать вопрос об артезианских скважинах и т. д. Реализовывать всё это было чрезвычайно сложно на фоне огромного дефицита местных более или менее квалифицированных специалистов, отсутствия или значительной нехватки любого, даже самого простого технического оборудования. Обращаться за содействием к городским властям было практически бесполезно — у них не было ни соответствующих кадров, экспертизы и подрядных организаций, ни материалов и запасных частей. Показательным примером мог служить такой курьезный случай. Для решения вопроса о восстановлении теплоцентрали кабульского микрорайона, ранее смонтированной советскими специалистами, московской компании потребовалась документация на поставленное ранее советское оборудование. Однако на запрос в мэрию по существу вопроса мы получили спецификацию на монтаж какого-то довольно громоздкого банно-душевого комплекта (!), который к делу, естественно, никакого отношения не имел. Требуемые же документы удалось заполнить только тогда, когда к поискам в архивах мэрии подключился наш сотрудник.

Другой курьез касался жилищного вопроса. Еще до моего приезда в Кабул советник-посланник, аргументируя необходимость аренды одного из коттеджей, употребил слово «вилла». Это поначалу вызвало в Москве недоумение. Коллеги в валютно-финансовом департаменте подняли брови: вилла (!), что это, мол, они там жируют?!. Однако ни о каких злоупотреблениях речи не было. Еще в 1970-х годах с чьей-то легкой руки слово «вилла» стало употребляться нашими соотечественниками в отношении сооружавшихся в то время в районе Вазир Акбар хан небольших коттеджей, рассчитанных, по существу, на одну семью. Вот и на этот раз это слово было употреблено по старинке. Я же хорошо понимал, о чем идет речь, — пришлось давать необходимые пояснения...

Здание под первую советскую дипломатическую миссию афганские власти выделили в начале 1920-х годов. Это была добротная глинобитная городская усадьба с высоким *дувалом*, который отделял теннистый парк от проезжей части небольшой улочки. Ранее она принадлежала *мостуфи-уль-мамалеку* (некто аналогичное должности министра финансов и главного сборщика налогов) эмиров Абдуррахман-хана и его сына Хабибуллы. Позже, по подозрению в участии в заговоре против нового правителя Амануллы, *мостуфи* был арестован и казнен, а его имущество конфисковано. Городские старожилы припоминали в беседах большие металлические въездные ворота полпредства *бильщерики*, большие красные флаги на фасаде (разрешение на это было выдано с большими проволочками) и мощного, усатого полицейского у въездных ворот. Они выходили на пыльную набережную с видом на небольшую мечеть необычной архитектуры на другой стороне узкой реки.

Весной 1964 года было завершено строительство нового комплекса на проспекте Дар-уль-Аман, в зеленом районе одного из относительно новых районов города, который король Ама-

нулла в 20-х годах минувшего века неудачно пытался превратить в административный центр столицы. Учитывая специфику Кабула, лишённого многих централизованных благ цивилизации, новый советский посольский городок был полностью автономным, и в нем мы прожили с семьей все наши предыдущие командировки в Афганистане. Старая же полузапущенная усадьба просуществовала еще около двух десятков лет, а после того как полностью обветшала, была снесена, и на ее месте построен больничный комплекс.

...Почти сразу по прибытии в Кабул мы с коллегами осмотрели комплекс зданий или, вернее, то, что от них оставалось. Панорама когда-то цветущего жилого городка была удручающей. Полуразрушенные дома, зияющие мрачной пустотой разбитые окна, изрешеченные шрапнелью и пулевыми осколками стены. Выжженная территория, разграбленные помещения с совершенно голыми стенами, прокопченные потолки от разведившихся костров, наспех сооруженные прямо здесь же, у стен глинобитные печи — *тандуры* — для выпечки хлеба. В центре большого представительского, или, как мы его называли, «мраморного зала», когда-то отделанного песочно-золотистыми плитками афганского арагонита, как бы в насмешку болталась слабо натянутая волейбольная сетка. Общие разрушения довершил вандализм талибов, которые превратили здания в казармы, где позднее беспорядочно разместились переселенцы и беженцы.

Грустно было смотреть и на голые, прокопченные стены квартиры, в которой мы прожили четыре года последней командировки в Кабул, с 1984 по 1988 год. Там пошел в первый класс наш сын, там он нашел своих первых школьных приятелей, о которых мы иногда вспоминаем и сегодня. Там же его принимали в пионеры, а на торжественной линейке присутствовал легендарный Герой Советского Союза Руслан Аушев. Там же он упрашивал молоденьких солдат, дежуривших вдоль внутреннего периметра посольства, разрешить забраться на их бронетранспортер, а то и, совсем осмелев, пытался выклянчить пулю. Там же впервые познакомился с задумчивыми песнями советских военнослужащих-«афганцев», а после возвращения в Москву еще долго, уединившись у себя в комнате, слушал их магнитофонные записи.

Когда речь зашла о восстановлении комплекса, имелась в виду только малая, первоначальная часть территории, предоставленной Советскому Союзу в начале 1960-х годов. В июле 2002 года в Кабул прибыла рабочая группа из представителей МИД и проектно-строительной организации в сопровождении нескольких саперов МЧС для выработки окончательных рекомендаций. Восстановительные работы предполагалось вести ударными темпами, чтобы долго «не засиживаться» в арендуемых помещениях, которые были лишь относительно пригодны для функционирования посольства. Тем не менее к предварительному проектированию и определению объема первоочередных восстановительных работ приступили только следующим летом. Афганские власти лишь к весне 2003 года смогли переселить из посольского городка облюбовавших его местных беженцев и переселенцев. Перед началом восстановительных и строительных работ территорию исследовали саперы МЧС, которым удалось обнаружить пару неразорвавшихся снарядов.

С проектировщиками мы обходили руины, планировали наиболее экономичное и наименее затратное восстановление административного корпуса и примыкавшего к нему внушительно-го — по кабульским меркам — представительского помещения. Обошли и то, что оставалось от жилых помещений: прокопченные стены, ни окон, ни дверей, ни лифтового хозяйства.

Конечно, поначалу хотелось, чтобы все или почти все помещения, прежде всего представительские и служебные, обрели прежний вид. Но эксперты, принципиально не меняя проект, высказали несколько новых идей, что в конечном итоге значительно улучшило комплекс. Во время краткого пребывания в Кабуле министра иностранных дел И. С. Иванова в начале мая 2003 года состоялась церемония закладки памятной капсулы. А незадолго до этого на территорию реконструируемого посольства была перенесена мемориальная плита в память погибших в Афганистане советских военнослужащих. Ранее при содействии аппарата военного атташе она была установлена на территории временно арендуемого под посольство здания. Позже вместо нее там был сооружен мемориальный обелиск.

Многое в комплексе пришлось не только восстанавливать, но и перестраивать. Административное и представительское здания внешне обрели первоначальный вид, но претерпели значительные изменения внутри. Практически «с нуля» были созданы все коммуникации, заново сооружены котельная и хозяйственный комплекс. Жилые дома по большей части были снесены и на их месте построены новые. Серьезной перепланировке подверглась и территория жилого городка, а большая открытая кино-эстрадная площадка превратилась в удобный спортивный комплекс.

* * *

Вся практическая деятельность посольства России в Афганистане в 2002 году осуществлялась в весьма сложных и противоречивых условиях внутривнутриполитического развития этой страны в начальный пост-талибский период, обусловленных, прежде всего, срочной необходимостью осуществления субстантивных шагов по восстановлению современных государственных и хозяйственных структур на фоне почти их тотального разрушения режимом талибов. В соответствии с Боннскими соглашениями и не без существенной внутренней борьбы была проведена общенациональная Ассамблея – Лойя Джирга, одобрявшая состав новой Переходной администрации. В ее задачу входили выработка и принятие новой Конституции, в том числе для обеспечения условий подготовки к общенациональным парламентским выборам. Особое место занимало решение такой чувствительной проблемы, как формирование новых силовых структур, кураторство над которыми, как и фактически над всей внутренней и внешней политикой страны, всё более зримо переходило к Администрации США и их западным союзникам. Аналогичное положение наблюдалось и во всем социально-экономическом блоке. При этом красной линией в деятельности США и Евросоюза в Афганистане, не без поддержки многих влиятельных элементов во Временной администрации, прослеживалось противодействие Запада любым попыткам развития российско-афганских отношений.

Одновременно этот период характеризовался острым внутринациональным противоборством между пуштунским сегментом и представителями национальных меньшинств бывшего «Северного альянса» во властных структурах государства. С другой стороны, набирала обороты и тенденция на восстановление военно-политического потенциала талибов, в том числе на фоне роста аллергии местного населения на пребывание в стране иностранных войск и на форсированное внедрение в Афганистане западных социально-политических, идеологических и экономических стандартов.

Все эти тенденции получили дальнейшее развитие и обострение в 2003 и последующие годы, что требовало от посольства России всемерной концентрации усилий по проведению инициативной созидательной линии на афганском направлении как в контактах с официальным Кабулом, так и с представителями западных и других партнеров страны на международной и региональной арене.

MIKHAIL KONAROVSKY

An Afghan Diary. The Year 2002

Mikhail Konarovsky, PhD in History, Leading Research Associate, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, MGIMO University; Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary. E-mail: makonarovsky@mail.ru

Summary. In late 2001 Russia supported the International anti terrorist coalition's activity aimed at toppling Al Qaida being backed by the Taliban regime. The Interim Administration of Afghanistan based on decisions of the Bonn international conference, had been formed. Simultaneously, the Embassy resumed its activity and a new Ambassador had been confirmed by the International Committees of both Chambers of the Federal Assembly. At the meeting in Kremlin President Putin outlined urgent priorities of Russia's policy in Afghanistan aimed at reestablishing and strengthening of ties with that nation at the new, post Taliban stage of its history. Besides urgent political issues, launching of Embassy's everyday administrative and life activity let alone the recovery of the Embassy's compound, were among the priorities, with destroyed national infrastructure as well as economy in Kabul and all over the country.

Keywords. Afghanistan, Taliban, counter terrorist operation, Kabul, economic assistance, Loya Jirga, Embassy, Dar-ul-Aman.